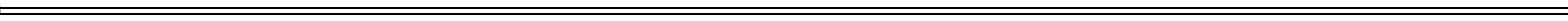

- [Крис Уэйнрайт](#)

○

Крис Уэйнрайт

Магический Кситар

День умирал. Солнечный Глаз Митры, еще недавно паливший с немилосердной яростью, устало сник и готовился уйти на покой. Вскоре, мелькнув последним лучом над городскими стенами, он скроется совсем, и желанная прохлада опустится на город и на покрытые редкими ветвями кустарника барханы.

Базар, огромный и шумный, умирал с концом дня. Конан, как обычно, пробирался сквозь толпу снующих во всех направлениях заморанцев, невысоких и смуглых, едва достававших до его плеча. Наступало его время; час, когда он обходил базар, узнавал новости, прикидывал, чем заняться нынешней ночью. Он знал тут почти всех, и они его знали; днем они могли поболтать друг с другом, обменяться новостями, даже выпить по стаканчику вина в таверне Абулетеса, но ночью каждый был сам по себе и сам за себя. Не дай бог попасться кому-нибудь на пути! Ночью шадизарская шварль превращалась в стаю кровожадных гиен, и почти каждое утро городские стражники, поминая Нергала и кряхтя, тащили за город пару свежих трупов тех, кто еще вчера веселился в кабаке и хвастал своими позавчерашними подвигами.

Конана знали, как говорится, с лучшей стороны; а те, кто в этом сомневались, время от времени прибавляли наутро работу страже. По силе и ловкости с молодым киммерийским волком могли сравниться разве что дюжие рослые бритунцы, но их пути пока что не пересекались. А потому ни Конан, ни бритунцы еще не проверили, кто сильней и свирепей.

Пересекая базар, Конан иногда снисходительно кивал кому-нибудь из знакомых торговцев, с коими имел дело (обычно по сбыту краденного), иногда подходил к группе из двух-трех мелких воришек, чтобы узнать у них последние базарные новости; кто за каким товаром собрался в путь-дорогу, не идет ли большой караван из Кутхемеса либо Аграпура, не подвезли ли в торговые склады доброе аквилонское оружие или вендиjsкие благовония. Как ни старались купцы держать свои дела в секрете, это удавалось редко, и, бывало, удачное дело начиналось с казалось бы невинного разговора на базаре.

Дойдя до последних торговых рядов, киммериец вышел через восточные ворота и дальше продолжал свой путь по кривым улочкам Пустыньки, той части города, где обитали местные воры, предводители мелких шаек, скупщики краденного и вообще всякие темные личности, коих в Шадизаре было не счесть и не переписать. Городские стражники ночью никогда не заходили в Пустыньку. Да что там говорить! Днем они тоже побаивались здесь появляться, а уж если заглядывали, так отрядом человек в двадцать, не менее пугливо озираясь по сторонам, быстро пересекали по самому короткому пути сплетение улиц и переулков и исчезали восвояси.

Конан направлялся прямиком к ловкачу Ши Шеламу. На базаре Малый Говеха шепнул киммерийцу, что у ловкача есть к нему дело в тысячу монет, и такой возможности Конан упустить не хотел. Миновав несколько кривых улиц, он свернул в узкий, грязный и смрадный проулок, в котором вряд ли могли разойтись три человека, что-то вроде неясной тропинки вдоль покосившихся глинобитных заборов. Дойдя до покрытого пылью, невысокого, но раскидистого тополя, киммериец отворил грубую деревянную калитку и очутился в

небольшом пустынном дворике, в глубине которого торчало убогое на вид строение, нечто среднее между собачьей конурой и сараем. Наклонившись, Конан отодвинул висевшую в проеме занавеску и вошел внутрь.

— А, киммериец! — ощерился в улыбке Ши Шелам. — Добрался наконец! Хорошо, что пришел, а то мне уж казалось, что ты не хочешь меня видеть!

— С чего ты взял, коротышка? Мне надо было прогуляться по базару, — Конан похлопал Ловкача по плечу да так, что тот чуть задницей не коснулся земли. — Пока встречи с тобой приносят мне удачу, клянусь Кромом!

— Ну, раз так садись, поговорим! — Ши Шелам шагнул к стоявшему в уголке кривоногому табурету, на котором виднелся прикрытый тряпкой поднос и большой кувшин. Этот кувшин, как рассказывал Ловкач, ему достался в наследство от матери. Сейчас заморанец с неторопливостью перенес на стол, торчавший посреди лачуги, сперва кувшин, затем поднос, и, сдернув покрывало, заставил Конана в удивлении приподнять бровь: там, на блюде, лежал хорошо прожаренный поросенок в локоть длиной. Жаркое, правда, остыло; значит, Ловкач съянул днем, никак не позже. Однако и такое угощение было удивительно богатым для Ши Шелама.

— Что, нашел родню? Отца или брата? Они, слушаем, не богатые караванщики? — ухмыльнулся Конан.

— С чего ты взял? — Ловкач, как и все заморанцы, шутки понимал плохо.

— Такая жратва откуда?

— Съянул сегодня у Восточных Врат, — честно ответил Шелам.

У Восточных Врат обитала публика пожирней, чем в Пустыньке. Там селились торговцы, придворные прихлебатели, писцы и прочая мелкая государственная сволочь; не те, конечно, люди, что в богатых кварталах, но все же с Пустынькой не сравнить. Район Восточных Врат начинался сразу же за ней, как перейдешь Большой Канал, но жители Пустыньки днем осторегались попадать туда, зато стражники чувствовали себя там, как дома. Правда, у Восточных Врат обитатели и бандиты, как было всем известно, но они являлись предводителями крупных и удачливых шаек, они дружили и с писцами, и с судейскими, и со сборщиками податей, и с надзирателями. Впрочем, так и полагалось, ибо всегда в городах люди селились по ремеслу: ткачи с ткачами, медники с медниками, грабители с грабителями.

— Как тебе это удалось? — спросил Конан, кивая на стол. Он представил себе, как босой и лохматый Ловкач несется вдоль улицы с поросенком на блюде, а за ним, громыхая щитами и бранясь, бежит стража.

— Повезло, — с серьезной миной ответил Ши Шелам. — Значит, проведывал я Зихара, знакомца своего, и когда шел обратно, почувствовал аромат. Жареным, понимаешь ли, запахло! Ну, глянул через забор, смотрю — на вертеле поросенок, рядом блюдо, а кухарка куда-то отлучилась. Я схватил поросенка, бросил на блюдо и спустил в Канал, а сам двинулся по переулку. Криков-то было! Даже стражник со двора выскочил, но разглядел, что я пуст, как торба нищего, дал по шее, и все. Припустил я тогда во всю прыть, а как перебрался по мосту к нам, блюдо и приплыло! Был полдень, жара, на улице никого... Ну, вот тебе и угощенье! Вина, правда, пришлось купить, — с горестной гримасой закончил свой рассказ заморанец.

Но Конана больше интересовал не поросенок на деревянном блюде, а упоминание имени Зихара.

— Клянусь Кромом, — рявкнул он, — ты неспроста позвал меня к себе, коротышка! Что за

дела у тебя с Зихаром, этой вонючей задницей?

Все знали, что проныра Зихар ходил в собутыльниках у сотника городской стражи; еще поговаривали, что он-де связан с Синими Тюранами Кривого Хиджа. И хоть это могло быть только слухами, все равно Зихар являлся человеком из другого мира, с коим Пустынька чаще враждовала, чем вступала в союз. Конана удивило, что Ши Шелам имел с ним какие-то дела.

— Сам не знаю, зачем я ему понадобился. Клянусь милостью Бела, он толком мне и не сказал ничего. Спросил, как жизнь, не обижает ли меня кто, не надо ли чем помочь... Понимаешь, Ловкач, говорит, я все могу!

— Ну, а о чём еще разговор шёл? — нахмурился Конан, мучительно стараясь вспомнить, нет ли между ним и Зихаром каких-нибудь незаконченных и неясных дел. Но, как киммериец ни напрягался, перебирая в памяти последние стычки с последующими трупами, он не мог припомнить, где и когда перешел дорогу Зихару, этому паршивому козлу. Да и вообще, откуда Зихар мог знать о его делах с Ловкачом?

Покачав головой, Ши Шелам сказал:

— Пустая болтовня была. Ну, рассказал он про несколько случаев, как храбрая стражи отбивала от наших парней караваны, какие невольницы у сотников да как они с ними развлекаются... — Тут глаза Ши Шелама загорелись, и он уже раскрыл рот, чтобы донести до гостя все живописные подробности, но Конан невежливо перебил его:

— И все? Кром! Не может быть, чтоб этот вонючий ублюдок позвал тебя ради таких дурацких баек! Ты лучше вспомни, не говорил ли он о Кривом Хидже?

— Давай-ка сперва выпьем и закусим, — разливая вино в глиняные кружки, предположил Ши Шелам. — Конечно, говорил! Стал бы я иначе тебя искать! Говорил он непонятное, но поминал, что есть у Кривого какой-то кситар.

Кусок поросенка застрял у Конана в горле. Он едва не поперхнулся, но мощная глотка совершила нужное движение, и кусок медленно поплыл вниз по пищеводу. Рыгнув, Конан запил его глотком вина и на миг задумался. Ему доводилось слышать о кситаре, но не здесь, а давно, и где именно, он припомнить не мог. Поговаривали, что это снадобье, если им намазаться в нужных местах, то ли наделяет необыкновенной мужской силой, то ли делает человека на пару дней невидимым, то ли еще что... Правда: люди, которые сами пользовались зельем, киммерийцу не попадались, да и вряд ли: кто в этом добровольно признается. Тут и головы можно не снести, если будешь болтать о волшбе! Может, зелье не так уж сильно или вообще не действует, как о нем толкуют, но что все серьезные люди о нем слышали, это уж точно!

В крайнем случае, если уж не пользоваться кситаром самому, то можно продать его в Немедию тамошним алхимикам, либо в Аквилонию. Тысячи две монет можно выручить! Запросто! Такая удача приходит не каждый день, и весьма разумно наведаться к Хиджу, одноглазому ублюдку, хоть это может стоить головы...

Конан задумчиво прожевал очередной кусок, запил вином. Вино было хорошее, даром что купленное, и поросенок был неплох, хотя и ворованный, и эти соображения, мысли о том, что лучше — краденое или покупное, мешали варвару сосредоточиться.

Он отрезал кинжалом еще кусок и посмотрел на Ловкача. Вот хитрая морда! Следит, приглядывается!

Ши Шелам подмигнул киммерийцу.

— Понимаешь, бычий загривок, Зихар неспроста меня позвал. Я ему нужен! И ты нужен, скорей, не ему, а этой одноглазой жабе. Уж очень хочет Кривой Хидж, чтоб ты на него

поработал! Он ведь помнит, как ты разделся с парой его лучших свистунов! Потому я в разговоре тебя упомянул как бы между прочим; да сказал, что, может, завтра с тобой встречусь на базаре. Случайно, разумеется.

— А сам подослал Говеху, чтобы он тихонько шепнул мне на ухо? Так, мошенник?

— Ну да, — ответил Ловкач, дочиста обгладывая последнюю косточку. — По крайней мере, у тебя будет время подумать или же смыться куда-нибудь. Поверь мне, пахнет жареным, и если Зихар с Хиджем взялись за тебя, то дело плохо. Не совладать тебе с ними, киммериец! Это сила! Опять же кситар... Неспроста это!

— Кситар, говоришь? — Конан заложил за голову могучие руки и потянулся. — Выходит, эта крыса наложила лапы на кситар?

— Выходит, так, приятель, — подтвердил Ловкач Ши Шелам, покачивая черноволосой взлохмаченной головой. По внешности он являлся типичным заморанцем, невысоким, щупловатым, смуглым, с близко посаженными темными глазками и острой мордочкой хорька. И нрав у него был как у хорька. Ши Шелам умел разнюхать, где что плохо лежит, не забывая при том об осторожности. В последний месяц Ловкач Ши сделался для Конана незаменимым помощником. Отличный наводчик, умевший, к тому же, выгодно сбыть награбленное!

Конан опять потянулся, да так, что хрустнули суставы.

— Клянусь задницей Крома, — буркнул он, — тот караван! Караван из Замбулы! С ним-то и притащили зелье!

— Вероятно. Или привез доверенный посланец из Хоарезма либо Султанапура... Один Бел ведает!

Замбулийский караван пришел позавчера, и с ним, как всегда бывало, для шадизарской воровской "Пустыньки" наступили горячие деньги. Лазутчики полусотни шаек и вольные бандиты вроде Конана разведывали, чем забиты тюки у замбулийцев, кому они сбудут товар и куда тот товар потом денется — то ли осядет на складах, то ли будет выставлен на продажу в лавках Шадизара, то ли, покачиваясь на спинах мулов и ослов, отправится через Карпашские горы в Коринфию и Офир. Надежные сведения — первое дело в воровском ремесле, и тут глаза и уши Ши Шелама были незаменимы.

Конан взболтнул кувшин, убедился, что тот еще полон на треть, и, взяв со стола стилет с узким, как змеиный хвост, лезвием, принялся ковырять в зубах. От жаренного поросенка на щербатом деревянном блюде остались уже одни косточки, а мясо, по большей части, переместилось в бездонный желудок киммерийца. Ловкач Ши обгладал лишь заднюю ногу. Это было вполне справедливо, если учесть, что весил он ровно вдвое меньше Конана.

— Ну, Нергал с ним, с этим караваном, и с посыльными заодно, — пробормотал киммериец. — Главное, не откуда привезли, а что привезли! Верно, тощий обглодыш?

— Верно, — согласился Ши Шелам, протянул тонкую руку и похлопал молодого варвара по могучему плечу. Верно, бычий загривок! Главное, что привезли и кому сбыли! Я так думаю, что без Кривого Хиджа дело не обошлось.

— Кривая крысомордая падаль! — рявкнул Конан, отложив стилет.

Хиджа он не любил. Под Хиджем ходили Синие Тюрбаны, одна из самых многочисленных шадизарских банд, и еще два десятка шаек помельче сбывали добычу только ему. В заморанских краях Кривой Хидж являлся видной фигурой и входил в десятку богатейших купцов; не важно, что торговал он, по большей части, краденым. В Шадизаре и Аренджуне это большого значения не имело. Конан же своей добычи крысомордому никогда

не сбывал, а потому оставался для него бельмом на единственном око, ибо, несмотря на свои восемнадцать лет, юный киммериец был удачлив и дерзок. Кривой Хидж уже несколько раз пытался подгрести его под свою руку, да никак не выходило – Конан выскакивал, словно смазанный маслом черенок ножа, оставляя на память Хиджу свежие трупы.

Он потянулся к кувшину, отхлебнул глоток и спросил:

– Значит, думаешь, без Хиджа не обошлось? Он прибрал товар? А почему? Почему он?

– Во-первых, – Ловкач принял загибать пальцы, – слухи. Во-вторых, лавка Кривого... новая дверь, новые замки, новые решетки на окнах и прутья толщиной в три пальца!

– В три твоих пальца, – уточнил Конан, не отрываясь от кувшина. – Моих будет один.

– Все равно, решетка-то новая! К чему бы Хиджу ее ставить? Ну и, в-третьих, бритунцы!

Дюжина бритунских наемников, да таких, что каждый теленка сожрет в одиночку! Ростом с мой шкаф!

– Да-а... – протянул Конан, – бритунцы – это серьезное дело... Целая дюжина, говоришь, и все как твой шкаф?

Не дожидаясь ответа, он уставился на шкаф Ловкача, самый солидный предмет обстановки в грязноватом и убогом логовице Ши Шелама, затерянном среди кривых переулков и тупиков воровской "Пустыньки". Шкаф, в котором Ловкач хранил добычу, и в самом деле казался солидным сооружением – семь локтей в высоте и пять в ширину. Кроме него в каморке Ши Шелама помещались только колченогий стол, два табурета да застланное всяkim тряпьем узкое ложе.

– Значит, дюжина... Клянусь Кромом, они еще пожалеют, что со мной связались! – сверкнул глазами варвар. Он снова попытался припомнить все, что знал о кситаре, но решение "пойти и взять!" уже зрело в нем. – Я покажу этим потомкам верблюжьего деръма, чего стоят бритунцы против киммерийца! Хиджу надо, чтобы я работал на него? Поработаю! Поработаю на его кривой вонючей роже!

– Не спеши, приятель, остановитесь! Не сносить тебе головы, если ты пойдешь к нему. Не сносить, хоть шея бычья... Подумай!

– Что тут думать? Что я – вендиjsкий мудрец? – Конан шарахнул кулаком по колченому столу, блюдо с костями подскочило и, ударившись о край, улетело в угол каморки. Эта вонючая крысомордая падаль должна узнать, что получит не все желаемое! Он вряд ли ждет меня сегодня, так сегодня я и приду!

– Ты прав, конечно, стоило бы проучить его разок, но вспомни про решетки и бритунцев! Да и заборы у него высокие, ох, какие высокие! И еще, – Ловкач понизил голос, – слышал я, будто двор у Хиджа охраняют какие-то жуткие звери... Но, если ты чего решил, так дело твое, приятель. Иди, но помни: я тебя предупреждал! Можешь не сносить головы! – Ши Шелам сморщился с озабоченным видом.

– Не переживай, коротышка, у меня есть план. Помоги только кое в чем... Нет ли у тебя прочной веревки да гирьки? Не хочу больше появляться в городе, – промолвил Конан, успокаиваясь. Он уже ощущал, как перед опасным делом напрягаются мускулы, как все тело становится упругим, гибким и подвижным, готовым и к бою, и к бегству.

Ловкач исчез на некоторое время и вернулся с мотком отличной веревки, сплетенной из кофской конопли, и с медным толстым кольцом величиной с ладонь.

– Это подойдет?

– Пожалуй, – пробормотал Конан, пробуя веревку на разрыв. Под его могучими пальцами она поддалась немного, но выдержала. – Подойдет! – подтвердил он, обмотал

веревку вокруг пояса и привязал кольцо к одному из ее концов.

— Ну, да пошлет тебе Бел второго поросенка, шелудивый заморыщ, — попрощался он с Ши Шеламом и, склонив голову в дверном проеме, исчез в чернильной тьме. По ночам Пустынька, само собой, освещена не была: откуда взяться здесь многочисленным слугам, что приставлены следить за светильниками и факелами в богатых кварталах? Да и вряд ли обитателей Пустыньки осчастливило бы изобилие света по ночам.

* * *

Конан осторожно продвигался по темным улочкам и, заслышив шаги навстречу, тотчас же либо прятался за стволом тополя или смоковницы, либо приникал к заборам и сливался с густой темнотой от лишних свидетелей, знавших о том, что он направляется к восточным Вратам, которых киммерийцу плодить не хотелось. Обычно попадавшиеся навстречу скользили молча, если это не был кто-то из подвыпивших весельчаков, напевавших свои пьяные песни, но вдруг впереди Конан рассыпал чужую речь. Не совсем, однако, чужую он ведь понимал немного по-бритунски, как, впрочем, и на других языках. Несмотря на свою молодость, он уже довольно посчитался по свету, да и народ успел повидать всякий.

Мягкими шагами, как огромная кошка, варвар метнулся к глинобитному забору и, подтянувшись на руках, бесшумно перебросил тело через край. Двоих гигантов с короткими зингарскими мечами прошли под ним, почти коснувшись ног перьями, украшавшими их немедийские шлемы. Он не разобрал все, о чем шел разговор, но понял, что они торопятся к Ловкачу и что им дали приказ вытряхнуть из Ши Шелама душу, но дознаться, где найти его, Конана.

— Ну держись, бритунская падаль! — прошипел варвар, приподнявшись на одно колено. Раскрученная мощной рукой веревка взвилась, тяжелое кольцо описало заблестевший в лучах восходящей луны полукруг; с легким свистом шнур охватил шею правого бритунца и натянулся. Конан резко дернулся, раздался хрип, и еще одна душа опустилась в объятия Нергала. Второй гигант даже и не сообразил, что произошло, а времени на размышления ему не осталось: клинок Конана нашел щель в пластинах его лат, и бритунец присоединился к своему товарищу. Конан осмотрел их мечи, выбрал тот, который показался ему лучшим, а трупы оттащил в сторону и, сорвав пару веток с ближайшего тополя, прикрыл их так, чтобы блеск лат в лунном свете не сразу привлек внимание посторонних глаз.

Луна вообще была некстати в эту ночь, но летом почти всегда夜里在Shadizare是晴朗的，而与之相反的是，这次它似乎被云层遮住了。 Конан продолжал свой путь в лунном свете, по-прежнему вслушиваясь в шаги прохожих и стараясь никому не попадаться на глаза. Вообще-то большинство обитателей Пустыньки либо отправились уже на свою работу в базарные лавки, либо выжидали подходящую добычу где-нибудь вдали от города, а те, что сидели по своим дворам да лачугам, опасности не представляли.

Еще пара-другая кривых и пыльных улочек, и Конан вышел к Большому Каналу. Дальше надо было двигаться еще осторожней, и Конан пожалел, что не взял доспехи одного из бритунских наемников — в них он мог свободно пройти по улицам у Восточных Врат, не вызывая особых подозрений. Но что сделано, то сделано! Он не собирался переходить Канал

по мосту, а, отойдя подальше, перебрался в мелком месте вброд и пошел вдоль забора, направляясь к дому Кривого Хиджа. Ему приходилось, хоть и не часто, бывать здесь, он знал, где собиралась стража и примерно помнил, когда воины обходили улицы, да и звон доспехов мог предупредить об их приближении. С этой стороны опасность ему не грозила, но она могла прийти с каждого двора. Каждый из местных богатеев держал свою охрану, и хотя люди эти не представляли опасности сами по себе, так как Конан легко мог отправить на тот свет трех-четырех сразу, но шум схватки поднял бы остальных. Это вряд ли могло способствовать успеху задуманного им дела.

Поэтому Конан старался идти как можно бесшумнее, и, если позволял путь, шагал то маленькими улочками, то между дворов, а иногда и через дворы особо беспечных хозяев. Бывало, охрана так увлекалась игрой в кости либо выпивкой, что целая ватага таких молодцов, как он, могла пройти у них за спиной незамеченными. Еще не все спали, и у многих шадизарских богатеев во внутренних двориках, при свете факелов или медных светильников, под звуки свирелей и мерный удары барабанов нагие смуглые танцовщицы услаждали взор хозяев и гостей. Жирные, украшенные кольцами руки лениво тянулись к подносам со сладостями и фруктами, а сальные взгляды с вожделением скользили по молодым гибким телам, в сладкой истоме извивавшимся под заунывные звуки флейты. Конан против воли задерживался у таких мест, но, стряхивая наваждение, заставлял себя вновь бесшумно скользить вдоль глинобитных или каменных изгородей, скрываясь в тени больших деревьев и обходя подальше улочки, где ему слышались мерные шаги стражников и звон их доспехов.

Вот показался храм с колоннами из белого камня; Конан знал, что дом Кривого Хиджа находится в двух шагах отсюда, на улице, вдоль которой росли огромные старые смоковницы с ветвями толщиной в три его руки. "Густая листва этих деревьев послужит хорошим прикрытием", – мелькнуло у него в голове. В том и состоял его план! Кривой Хидж ждет, что он заявится к нему в ворота, а он прилетит по воздуху! А там... Там один Бел, покровитель воров, ведает, что будет дальше!

Каждым мускулом, каждой частицей кожи киммериец ощущал малейшее движение ночного воздуха. Знакомое возбуждение, предчувствие боя овладело им; как зверь, собранный и упругий, он плавной поступью ног, обутых в кожаные сандалии, не перешел, а как бы переплыл площадь перед храмом и, обогнув угол здания, приготовился к прыжку. Ряд могучих деревьев своими кронами накрывал половину близких дворов и как бы широкой стенок продолжался до самого конца улицы. Дом Хиджа был третьим от храма, и варвар видел отражавшиеся в густой листве отблески огня. Судя по всему, охранники уже запалили факелы.

Киммериец плавно раскрутил веревку с кольцом, которая уже сослужила ему хорошую службу, и забросил ее на ближайшую древесную ветвь. Проверив прочность цепки, он подтянулся и двумя мощными движениями взлетел под защиту пышной и ветвистой кроны старого дерева. Вполне вовремя, потому что через несколько мгновений на улицу с ближайшего двора вышла группа вооруженных людей и, мрачно о чем-то переговариваясь, бренча оружием, прошла через площадь. Воины скрылись за тем поворотом, откуда недавно появился Конан.

Варвар подождал несколько мгновений, затем поднялся на пару веток повыше и постарался с этой высоты определить, что происходит в первом из дворов Кривого Хиджа. Хотя листва и мешала подробно рассмотреть все, своим зорким взглядом Конан разглядел, что в освещенном факелами круге сидят четыре человека. Больше никакого движения там не

было. Стارаясь не производить ни малейшего шума, киммериец медленно перебирался с дерева на дерево, приближаясь все ближе и ближе к тому месту, где четверо охранников одноглазого резались в кости. Они, видать, были опытными людьми: играли тихо, без воплей, какие обычно сопутствуют такой игре. Даже переругивались они шепотом, а если кто забывался и чуть повышал голос, то старший молчал поднимал руку, и увесистый тумак напоминал стражу о необходимости сидеть тихо. Все это очень походило на засаду, однако азарт игры все же притупил бдительность воинов; они не замечали киммерийца, который находился теперь чуть ли не над их головами.

Конан осторожно открутил висевший прямо перед ним еще не созревший зеленовато-фиолетовый плод смоквы и, резко размахнувшись, бросил его в дальний угол дворика. От неожиданности охранники подскочили, и старший скрипучим голосом приказал:

— Махад! Ну-ка проверь, в чем там дело?

Тот, кого называли Махадом, нехотя поднялся и шагнул из светлого круга, который отбрасывали языки пламени. Конан взял в правую руку кольцо, и как только различил чуть освещенную луной голову наемника на фоне стены, резко бросил тяжелое медное кольцо. И глаз, и рука его не подвели: раздался глухой стук, и Махад, как подрубленный, рухнул на землю.

— Что ты там возишься, сын крысы? — заорал старший, но тут же, вспомнив, что надо говорить тихо, зашипел на ближайшего к нему низкорослого и кривоногого наемника с большим, не по росту, мечом: — Чего сидишь, шакал? Иди посмотри, что там!

Кривоногий, повинувшись приказу, проворно встал и двинулся в темный угол, где исчез Махад. Конан тихо, как летучая мышь, спрыгнул с дерева и очутился лицом к лицу с оцепеневшими от неожиданности охранниками. Два молниеносных удара мечом — и две снесенные головы покатились по пыльному двору. Киммериец стремительным прыжком метнулся за ствол ближайшего дерева. Когда кривоногий, наконец, сделал два последних шага, едва не наступив на покойного Махада, Конан оказался за его спиной. Теперь лишь хруст сломанных шейных позвонков нарушил тишину. После этого снова все замерло, только чуть потрескивали догорающие факелы.

Еще пару секунд Конан размышлял, где же могут быть остальные охранники этой одноглазой падали. Его интересовали, конечно, недавно нанятые бритунцы, потому как заморанцев, мелких телом и не слишком искусных в бою, на него можно было напускать десятками. Он огляделся и увидел в глубине двора калитку, выходившую, видимо, во внутренний дворик. Калитка выглядела, конечно, не так, как у Ловкача; ту соорудили из пары гнилых досок, подобранных на базаре, а здесь была кованная железная дверь и забор высотой в два человеческих роста. Конечно, для Конана это не являлось непреодолимым препятствием, но важно было соблюдать тишину. Он не хотел очутиться лицом к лицу с пятью-шестью бритунцами прежде, чем наступит решительный момент. Он их не боялся, отнюдь не боялся, но сейчас его задачей было сделать дело, добыть кситар и унести свою голову в целости. А еще уж очень хотелось ему разделаться с Хиджем, паршивым кривым ублюдком, пожалуй, еще больше, чем раздобыть кситар.

Киммериец огляделся. Ветви деревьев здесь были слишком высоко, чтобы попытаться повторить фокус, сделанный им раньше. Нет, он не мог перебраться по ветвям в следующий двор: ветви не доставали до внутренней изгороди, а лишь слегка касались ее, и тонкие их концы не выдержали бы веса человеческого тела. Конан уже приготовился к тому, что придется с грохотом выбивать эту проклятую дверь или долго возиться с засовом, но тут во

внутреннем дворе послышались шаги, заскрипело железо, дверь отворилась и сквозь приоткрытую щель высунулась голова бритунца.

— Эй, фонючка! Хосяин зофет!

Так как старший охраны, видно, по прозвищу Вонючка, не спешил откликаться, бритунец открыл дверь полностью и ступил во двор. Конан молниеносно возник перед ним, взмахнул мечом, но опытный воин каким-то стремительным звериным движением уклонился от удара, и его меч уже был готов отбить атаку. Варвар обманным выпадом вынудил бритунца податься влево и нанес коротким разящий укол. Однако лезвие меча лишь скользнуло по налокотнику, не причинив бритунцу никакого вреда.

Видно, противник на сей раз попался непростой, под стать Конану! Он был даже покрупнее киммерийца, не выше, а именно крупней; этакий здоровенный муж в расцвете лет, когда сил в избытке, а быстрота движений еще не утрачена. Недаром бритунцев вездеанимали для опасных и ответственных дел, где вряд ли могли справится другие воины! Схватка предстояла опасная, но это только подстегивало варвара. Тем более, что бритунец имел преимущество: он был в латах и сапогах, а Конан только в сандалиях, просторных шароварах да безрукавке.

Сообразив это, бритунец сделал молниеносный выпад и только блестящая реакция и быстрота варвара спасли его от лезвия меча, мелькнувшего у левой щеки. В свою очередь Конан сделал движение вперед, бритунец отбил удар, мечи звякнули, и варвар даже в пылу борьбы понял, что его присутствие тут, пожалуй, уже не является неожиданностью. Злость придала ему дополнительные силы; он резким замахом рубанул воздух, враг отскочил назад и, коснувшись открытой двери, на мгновение потерял ориентировку. На очень короткий миг, которого и мухе не хватило бы взмахнуть крыльями, но Конан шанса не упустил. Лезвие меча метнулось к шее бритунца, и резким ударом варвар снес ему голову. Потом, прислушавшись и не заметив ничего подозрительного, он прошел во внутренний дворик, прикрыв за собой тяжелую дверь.

Этот двор был обширнее предыдущего и вымощен камнем. Вдоль противоположной от входа стены стояла тяжелые деревянные кресла, покрытые ковровыми накидками, а в левом от входа углу были врыты деревянные столбы с поперечной перекладиной на высоте человеческого роста. Разумеется, роста заморанца, Конану это сооружение приходилось на уровне плеча. Двор был не квадратный, а имел несколько выступов каменной стены; за ней уже была видна крыша довольно высокого строения. Два дорогих медных светильника горели ровно и освещали почти что все пространство двора.

За стеной послышался какой-то шум, женский плач, глухая ругань. Конан отступил чуть в сторону и спрятался за выступом стены. Дверь справа от него распахнулась, и двое заморанцев, одетых в зеленые блузы и такие же шаровары, выволокли во двор черноволосую молодую женщину, которая плакала и пыталась вырваться из цепких рук слуг Кривого Хиджа.

— Сейчас мы тебя успокоим, милашка, — злобно пообещал один из облаченных в зеленое, продолжая выкручивать женщине руки.

Вся группа направилась к врытым в землю столbam с перекладиной, и слуги, натренированным движением развернув девушку лицом к углу, где прятался Конан, приподняли ее и продели запястья в кольца, которых Конан вначале не заметил. Кольца щелкнули; руки девушки уже не могли вырваться оттуда. Довольные своей работой, оба зеленых отступили на шаг, разглядывая женщину. Они стояли спиной к киммерийцу и не

видели его, как и девушка, продолжавшая биться в ужасе, прикованная к перекладине. Конан находился в десяти шагах от нее.

Один из палачей достал длинную треххвостную плеть на короткой ручке.

"Пора вмешаться", – промелькнуло у Конана в голове. В два гигантских прыжка он преодолел расстояние до одного из слуг и сильным движением свернул ему шею. Второй, на мгновение оцепенев, закричал что ему, конечно, не помогло: Конан вырвал у зеленого кнут и страшным ударом в челюсть отбросил его на землю. Затем он разрезал ремни на ногах девушки. С кольцами пришлось повозиться дольше, но его сильные пальцы сумели разогнуть их. Теперь женщина была свободна, но киммериец едва успел подхватить ее на руки и опустить на землю – несчастная лишилась чувств. Конан замер, разглядывая ее, ощущая, как это прекрасное тело помимо воли вызывает волну желания. Стиснув челюсти, он осторожно похлопал девушку по щеке. Она очнулась, открыла глаза.

– Не бойся, красотка, – шепнул киммериец. – Не бойся! Сейчас я уведу тебя отсюда.

Лицо девушки исказилось от страха.

– Вот радость так радость, потомок суки и осла! Не ждал я тебя так скоро! – раздался жирный густой голос. Так вещала бы навозная куча, если бы могла говорить, промелькнуло в голове Конана. В следующий миг все покрылось мраком.

Очнувшись через некоторое время, он понял, что руки его привязаны к двум столбикам, похожим на те, что он видел во дворе, но гораздо короче, примерно до колена. Конан опирался на локти, так предплечья были прикручены ремнями к этим столбам. В голове у него еще стоял гул от удара дубиной. Кривой Хидж располагался в трех шагах на покрытом дорогим ковром возвышении, за ним высились три здоровенных бритунцев, злобно поглядывавших на распростертого перед ним варвара.

– Дай-ка ему еще воды, чтоб очухался, – приказал Хидж охраннику. Тот, ухватив кувшин с водой, плеснул в лицо Конану. Это помогло: в голове прояснилось, гул постепенно стих.

Помещение, в котором его привязали, гляделось просторным, с высоким потолком; стены были завешаны дорогими коврами, пять светильников освещали расписные своды, в нишах вдоль стен поблескивали дорогие вазы и кувшины. Такой роскоши Конану, пожалуй, еще не доводилось видеть! Перед Хиджем, на подставке из белого камня, сиял богато инкрустированный ларец. Такие сундучки искусственной работы Конану попадались, но этот был особенно красив, с тонкой резьбой, богато изукрашенный самоцветами.

– Что, падаль, не ожидал? – захохотал одноглазый. – Ну, теперь от меня не уйдешь! Ты убил семерых моих людей, – продолжал он, – но, я, пожалуй, мог бы даровать тебе прощение... Да, мог бы, если ты согласишься работать на меня. Соображай быстрей, ибо, клянусь хитроумием Бела, время твое истекает! Если не согласен, я тебя повешу на перекладине вместе с той шлюхой и полюбуюсь, кто из вас раньше сдохнет под плетью. Ставлю двух баранов против шелудивой кошки, что ты не сможешь продержаться дольше ее!

– И, довольный своей шуткой, Хидж снова захохотал. Смеялся он долго, пока из его единственного глаза не покатились слезы. Бритунцы басовито подхихиковали, хотя смысл сказанного вряд ли был им понятен.

– Видишь ли, киммерийский козел, – произнес Кривой Хидж – отсмеявшись, я могу сделать с тобой все, что захочу... Ну, например, брошу на съедение своим псам... Джор, покажи-ка ему собачку, – приказал он одному из бритунцев. Тот послушно кивнул и вышел, а когда вернулся, на его мускулистой руке была намотана цепь, на которой бился в наморднике зверь, похожий то ли на пятнистого волка, то ли на барса. Конан инстинктивно дернул

головой.

— Что, не нравится? — снова захотел Хидж. — таких у меня пять штук — один купец привез из Шандарата. Сожрут в один момент, только косточки захрустят! Кое-кого они уже попробовали на вкус, вон там остатки догнивают в яме! — Довольный собой, Хидж опять засился хриплым смехом. — Ну, ладно! Убери его, Джор. Воняет, и нашему гостю, наверно, неприятно.

Бритунец убрался вместе со зверем и немного погодя вернулся, опять встав рядом с хозяином. Видать, Хидж все-таки опасался Конана, хоть и привязанного, и чувствовал себя спокойнее, когда рядом были дюжие бритунцы. Размерами, они и в самом деле не уступали шкафу в каморке Ши Шелама.

— Не хочешь ли узнать, что здесь находится, отродье киммерийской шлюхи? — спросил одноглазый, любовно поглаживая ларец. Когда толстые руки Хиджа поворачивали его, камни переливались и сияли в лучах светильников фантастическими цветами, порождая в воздухе крохотную радугу. Хидж открыл ларец. Внутри он был обит черным бархатом, на фоне которого сосуд с кситаром как бы светился неземным голубоватым светом. Конан, несмотря на неудобную позу, так и впился глазами в сокровище.

Вот он какой, кситар! Неужели волшебное снадобье действительно существует, и это не сказки базарных мудрецов и заезжих караванщиков? И подобная драгоценность досталась крысомордому ублюдку! Поистине все боги, и Митра, и Бел, и Кром, сошли с ума, если допустили такое!

— Да, ты не ошибся, недоумок, это кситар, — словно угадав его мысли, произнес одноглазый скопщик краденого. Его привезли из Замбулы с пришедшим позавчера караваном... Привезли мне!

Хидж находился на вершине блаженства, чувствовал себя едва ли не всемогущим. Даже сильные мира сего, владыка и знать Шадизара, не имели того, чем обладал он!

Конан, уже совершенно очнувшись, мучительно искал выход. Что же делать? Как вырваться из плена? Незаметно для бритунцев он напряг мускулы, прикидывая, какова крепость этих столбиков. Качнув рукой, почувствовал, что они слегка поддаются.

"Сделано для заморанцев, клянусь Кромом! — с презрением подумал он. — Теперь усыпить бы бдительность этих бритунских ослов..."

Конан потряс головой, всем своим видом показывая, что еще не пришел в себя. Кривой Хидж сразу это заметил.

— Что, падаль, не очухался? Хорошо же Рут дал тебе по башке! — Он повернулся к своим охранникам и приказал: — Джор, принеси-ка холодного вина. Что-то в горле пересохло.

Наемник вышел.

— А ты, рыжий, — обратился Хидж к третьему верзиле, — сходи на кухню и поторопи повара! Висеть ему на столбах, коль утка еще не готова!

Когда дверь за вторым стражником закрылась, Хидж довольно усмехнулся. Видно, представлял он сейчас, что, обладая кситаром, да еще прибрав в подручные такого ловкого и крепкого парня, как этот северный варвар, наложит он свои жирные лапы на весь город.

Последний охранник, ничего не понимая, тупо смотрел на хозяина. Это его и сгубило: пленника не стоило упускать из виду даже в такой ситуации. Молниеносно вырвав оба кола, Конан, не давая стражу опомниться, ткнул его в шею. Тот на мгновение остался воняющим. Варвар, сбив его на пол бревном, ударил снова; раздался жуткий хруст позвонков, бритунец дернулся и замер.

Смех застрял в глотке Хиджа; он даже не успел шевельнуться, как резким безжалостным пинком киммериец вышиб из него дух. Хрипя и булькая, скрещивая краденого, только что находившийся на вершине блаженства, осел на пол. "Навозная куча с крысиной мордой", – подумал Конан, сплюнув с отвращением.

Теперь надо было освободиться от пут. Он попробовал зубами перегрызть кожаные ремни, но они оказались слишком крепкими. Тогда он вспомнил о мече убитого бритунца, и дело пошло. Жаль, что ладони тоже были привязаны, иначе он справился бы в одно мгновение! Конан неуклюже водил левой рукой по мечу, прижимая его правой; за дверью уже слышались шаги посланного за вином.

В тот момент, когда дверь начала отворяться, он уже освободил одну руку, но клинок выхватить не успел.

Бритунец, увидев, что произошло, не медлил: выхватил свой меч и бросился на пленника. К счастью, то был не самый опытный из охранников покойного Хиджа, иначе Конану пришлось бы туго. Он левой рукой перехватил запястье нападавшего, тот попытался поднять меч, но мощный удар заостренного кола завершил дело: бритунец бездыханным рухнул на подставку из белого камня. Падая, он увлек за собой ларец, сосуд с кситаром выпал и разбился.

Непрозрачная белесоватая жидкость лужицей растеклась по полу; потом над ней стал подниматься зеленый туман, окутавший лежавших рядом Хиджа и его охранника. Внезапно они стали исчезать прямо на глазах изумленного варвара. Бритунец исчез совсем, поскольку тело его полностью окуталось зеленою мглой; что касается Хиджа, находившегося в полусидячем положении, тот будто бы растворялся постепенно, начиная с ног. Увидев, что туман уже подбирается к его шее, Конан вырвал меч из ножен мертвого бритунца, и, не отдавая себе отчета, снес голову одноглазому. Затем он отбросил свой трофей подальше и наконец-то освободил правую руку от проклятого кола, перерубив мечом ремни.

Тем временем туман почти окутал киммерийца; он с удивлением наблюдал, как исчезают его ступни, колени, живот, грудь. Похоже, мелькнуло в голове, этот кситар и разговоры о его чудесной силе вовсе не выдумка!

Он опустился так, чтобы туман окутал его полностью. Комната вдруг озарилась зеленоватым фосфорическим светом, и когда Конан выпрямился, сияние не исчезло, но будто бы затопило все вокруг. "Меня не видно!" – с ликование понял варвар. Тут как раз раздались шаги рыжего бритунца, посланного поторопить повара.

Войдя несчастный обнаружил в одном углу труп своего товарища, в другом хозяйскую голову. Больше здесь не было ничего, если не считать зеленоватого полупрозрачного тумана, который медленно растекался по комнате, словно дым над остывающим кострищем. Бедняга едва не спятил от такого зрелища; как все бритунские наемники, он был туповат и не сразу сообразил, какому божеству тут следует молиться. Блеснувший из тумана короткий меч покончил с его колебаниями.

Затем Конан принял обходить остальные комнаты, пока не разыскал большой кованый сундук с огромным, размером с баранью голову замком. Отсутствие ключа его не смущило; он просто взял стоявшую в угле секиру одного из охранников, сунул под петли и нажал. Крышка сундука подалась, но топорище сломалось быстрее. Тогда киммериец нашел второй топор и с его помощью довершил задуманное: петли треснули, и сундук открылся.

Наверняка тут было не все, что успел награбить одноглазый, но любопытных вещиц хватало: монет, камней, украшений, костяных вееров и гребней редкостной кхитайской

работы, колец и ожерелий. Конан содрал с ложа шелковое покрывало, набросал, не глядя, самоцветом и золота из сундука и поспешил вон. Пора было убираться; он не знал, как долго действует кситар, и поэтому решил быстрей покинуть дом у Восточных Врат. Тут ему вспомнилась девушка, из-за которой он чуть не лишился жизни, но ее не было нигде.

— Наверно, удрала, — пробормотал Конан и пожал плечами. — Что ж, одной меньше или больше... Какая разница!

Он возвратился в первую комнату и — не пропадать же добру! — поднял с пола ларец. Потом, взглянув на голову Хиджа, ухватил ее за волосы, сунул внутрь, захлопнул крышку и вышел во двор. Луна сияла зеленоватым светом; все вокруг тоже казалось зеленоватым и мерцающим. Конан понял, что волшебный эликсир еще действует. Он был невидим человеческому взгляду, но первая же встречная собака, учуяв киммерийца, жалобно заскулила и поджала хвост.

Варвар довольно усмехнулся. Он даже позволил себе, минуя стражей у ворот, отвесить одному из них такую оплеуху, что, падая, тот увлек за собой еще двух сотоварищ. Конан, удаляясь во тьму, долго слышал брань и треск ударов, которыми бритунцу награждали друг друга. Когда он оставил позади мост через Большой Канал, зеленоватое свечение стало ослабевать, а когда подошел к хибари Ши Шелама, все снова приняло обычный цвет. Действие кситара закончилось.

— Скажу Ловкачу, что никакого кситара не было, — пробормотал Конан. — Что лишнее болтать? Короче язык, — крепче шея!

Обдумывая эту мудрость, он и переступил порог жилища ловкача. Сидевший в углу Ши Шелам вскочил, уставился на приятеля, будто не веря собственным глазам. Перед ним, однако, стояло не привидение, а сам Конан, живой и невредимый, да еще с большим узлом за плечами.

— Вино осталось? — спросил киммериец, не особенно рассчитывая на положительный ответ.

— Зачем пить остатки? Взял еще, — сообщил Ловкач, не спуская взгляда с узла. — Надо же отметить твое возвращение!

— Неплохо бы, — согласился Конан. — Хоть кситара я не нашел, но кое-чем другим у Хиджа разжился. Погляди, коротышка!

Он развязал узел, и содержимое его заиграло таким блеском, что Ловкач Ши на время потерял дар речи.

— Ну, тощий обглодыш, видишь, как ценят меня у восточных Врат! Сколько даров приготовили! Все, что хочешь, кроме проклятого кситара!

— Ну и ладно, — сказал Ловкач, отдохнувшись.

— Ладно! Не было никакого кситара, и не надо! На наш век хватит золота и камешков... А главное, что ты голову унес, приятель!

Конан усмехнулся и вытащил из сверкающей груды объемистый ларец.

— Унес, да не только свою, — буркнул он, отбрасывая крышку.

Там, на обивке из черного окровавленного бархата, лежала голова кривого Хиджа и щурилась в потолок единственным темным глазом.

